

КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА И ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ*

В статье рассматриваются требования, которые предъявляются к переводчику как участнику уголовного судопроизводства. Анализ различных точек зрения по данному вопросу и правоприменительной практики позволяет утверждать о возможности применения по уголовным делам электронного (автоматического) перевода. В целом, в статье делается вывод о том, что публичный интерес при реализации принципа языка уголовного судопроизводства заключается в обеспечении на уровне символической системы представления информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию или имеющих значение по уголовному делу, единообразное ее понимание всеми участниками уголовного судопроизводства. Реализация этого интереса государством не в полной мере зависит от компетентности переводчика-человека и может быть осуществлена посредством электронного (автоматического) перевода.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства, переводчик, электронный перевод, процессуальный интерес.

R.V. Maziuk, Yu.Ts. Kuular

THE COMPETENCY OF A TRANSLATOR AND THE PUBLIC INTEREST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses requirements that apply to the interpreter as participant of criminal proceedings. The analysis of different points of view on the subject and practice suggests the possible use in criminal cases electronic (automatic) translation. Overall, the article concludes that the public interest in implementing the principle language of criminal proceedings is to ensure at the level of the symbolic system of presenting information

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К).

about the circumstances subject to proof or having a value in a criminal case, the uniform understanding by all participants of the criminal proceedings. The implementation of this government interest is not fully depends on the competence of the translator-the person and may be made by electronic (automatic) translation.

Keywords: the language of criminal proceedings, translator, electronic transfer, procedural interest.

Проблема участия переводчика в уголовном судопроизводстве является одной из самых распространенных на практике. Если в теории уголовно-процессуального права принцип языка уголовного судопроизводства особых теоретических дискуссий не вызывает, то его реализация в правоприменительной деятельности сталкивается с рядом проблем как процессуального, так и организационного характера. Наибольшая сложность при реализации права участников уголовного судопроизводства пользоваться помощью переводчика возникает с редкими языками и диалектами, особенно тех народов и национальностей, которые не входят в традиционный состав Российской Федерации.

В этой связи актуальным становится вопрос о том, в чем заключается публичный интерес Российской Федерации в уголовном судопроизводстве при выборе следователем, дознавателем, судом специалиста для осуществления функции перевода по уголовным делам? Если законный интерес тех участников уголовного судопроизводства, которым УПК РФ предоставлено право пользоваться помощью переводчика, очевиден, он сформулирован на уровне норм международного права, то процессуальный интерес следователя, дознавателя, суда, которые являются должностными лицами государства, обязаны обеспечить в необходимых случаях по уголовному делу участие переводчика, нуждается в определении.

Так, Комитет министров Совета Европы в Рекомендации от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «О способах облегчения доступа к правосудию»¹ отмечает, что «когда одна из сторон процесса не обладает достаточным знанием языка, на котором ведется судопроизводство, государство должно обратить особое внимание на проблему устного и письменного перевода и обеспечить, чтобы неимущие и малоимущие лица не находились в неблагоприятном положении с точки зре-

¹ Совет Европы и Россия. Сб. док. М., 2004. С. 676–679.

ния доступа к суду или участия в судебном процессе в силу их неспособности говорить или понимать используемый в суде язык» (п. 6).

Четкое представление о сущности публичного интереса при реализации принципа языка уголовного судопроизводства позволит оценить, какие все же требования должны предъявляться к переводчику и кто может выступать в качестве такового?

Как представляется, законодатель не случайно отказался от закрепления в ст. 59 УПК РФ конкретных требований, предъявляемых к переводчику. На основании ч. 1 ст. 59 УПК «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода».

При этом, в соответствии с ч. 2 ст. 169 УПК РФ следователь, привлекая переводчика к участию в производстве по уголовному делу, должен удостовериться в его компетентности.

Так, О.Ю. Кузнецовым предлагаются следующие требования, определяющие компетентность переводчика:

- одинаковая этническая принадлежность с лицом, которому он назначен оказывать помощь в языке судопроизводства, выраженная в форме добровольной национально-языковой самоидентификации;

- воспитание или получение общего среднего образования в одной с участником процесса, не владеющим языком судопроизводства, этнолингвистической среде (проживание в детстве в местности, где язык перевода является основным языком повседневного общения и, желательно, обучения);

- наличие высшего профессионального образования, полученного в Российской Федерации или на русском языке в одной из республик бывшего Союза ССР (до 1991 г.);

- постоянное проживание на территории России в течение значительного периода времени (желательно, более 10 лет) и наличие опыта публичной или социально ориентированной профессиональной деятельности [1, с. 60–61].

А.Ю. Мищенко предлагает «в роли переводчика по уголовному делу допускать лицо, имеющее высшее профессиональное либо дополнительное профессиональное образование соответствующего профиля, а равно получившее сертификат о знании иностранного языка на уровне, признанном достаточным для осуществления свободного перевода, имеющее опыт работы в качестве переводчика не менее двух лет» [2, с. 244]. И.И. Бунова к этому добавляет, что «переводчик дол-

жен знать и уметь переводить не только обычную разговорную речь, но и тексты с учетом их специальной терминологии» [3, с. 206].

В этой связи в одном из последних комментариев к УПК РФ высказана следующая мысль: «Поскольку законодательного закрепления категории “свободное владение языком” нет, целесообразно ориентироваться на профессиональные компетенции, устанавливаемые для лингвистов в сфере высшего образования (п. 5.3 Приказа Минобрнауки России от 07 августа 2014 г. № 940 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 “Лингвистика” (уровень бакалавриата)»)). Между тем, среди таких компетенций в Приказе предусмотрены следующие «идеалистические» и слабовыполнимые в реальной жизни требования к переводчику:

– способность осуществлять устный последовательный перевод и устный перевод с листа с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм текста перевода и темпоральных характеристик исходного текста (ПК-12);

– владение методами формального и когнитивного моделирования естественного языка и методами создания метаязыков (ПК-20);

– способность использовать понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, переводоведения, лингводидактики и теории межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач (ПК-23)¹.

Учитывая перечисленные выше компетенции переводчика, можно согласиться с мнением Л.Б. Обидиной о том, что «возложение на следователя и судью обязанности проверять компетентность переводчика лишено смысла и в реальности невыполнимо» [4, с. 155].

Как представляется, абсолютно различна по своей выполнимости задача подобрать переводчика, соответствующего вышеперечисленным требованиям, например, в Москве, Санкт-Петербурге, Красноярске или даже в Иркутске и задача подобрать хотя бы любого переводчика в Кызыле, Анадыре, Тобольске, где даже нет института иностранных языков.

К счастью, законодатель в тексте уголовно-процессуального закона не сформулировал идеалистические требования к переводчику, предлагаемые в науке. По этой причине на практике достаточно эф-

¹www.rg.ru/dok/1075684

фективно в качестве переводчиков по уголовным делам в сельской местности выступали продавцы с национальных рынков, не имеющие высшего образования, но несколько лет проработавшие в России [5, с. 319].

С другой стороны, различна по своему содержанию и процессуальным последствиям деятельность переводчика при осуществлении устного и при осуществлении письменного перевода. Если точность и полноту устного перевода процессуально проверить достаточно сложно (на практике это возможно только, если в ходе следственного действия, на котором переводчик осуществлял устный перевод, осуществлялась аудио- или видеозапись), то недостатки письменного перевода могут быть выявлены с большей степенью вероятности.

Так, статистические данные, обобщенные Кызылским городским судом Республики Тыва¹, свидетельствуют о том, что за 2014 г., в Кызылский городской суд поступило 1003 уголовных дела, что на 57 дел больше, чем в 2013 г. — в указанный период поступило 946 уголовных дел, или больше на 6 %. Возвращено прокурору 69 уголовных дел, что осталось на уровне 2013 г. — в 2013 г. было возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ 67 уголовных дел. В большинстве случаев причиной возвращения дела прокурору явились составление обвинительного заключения с нарушением уголовно-процессуального закона, несоответствие перевода обвинительного заключения его оригиналу.

В 2014 г. в апелляционную инстанцию Верховного Суда Республики Тыва направлено 254 уголовных дела и выделенных материалов. Снято с апелляционного рассмотрения 3 уголовных дела, в 2013 г. было снято 10 уголовных дел. Например, Постановлением от 19 сентября 2014 г. снято с апелляционного рассмотрения уголовное дело в отношении М. по причине несоответствия перевода приговора тексту его оригинала.

По итогам обсуждения указанных постановлений судьям и работникам аппарата суда указано на необходимость более тщательной проверки переводов на предмет их соответствия оригиналу вынесенного приговора.

¹Обобщение работы суда по итогам 2014 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://kizilskiy-g.tva.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&id=79. Дата обращения: 11.02.2016 г.

Особого внимания заслуживает проблема длительного оформления уголовных дел в апелляционную инстанцию по причинам, связанным с организацией перевода процессуальных документов. В частности, в Кызылский городской суд поступило письмо судьи Верховного Суда Республики Тыва о допущенных нарушениях, выразившихся в несвоевременном вручении осужденному Ю. письменного перевода приговора, длительного оформления уголовного дела в апелляционную инстанцию. Указанные нарушения в свою очередь повлекли нарушение другого принципа уголовного судопроизводства, а именно ограничили право осужденного на рассмотрение его дела в разумный срок.

Также в суд поступило обращение заместителя председателя Верховного Суда Республики Тыва А.А. Егорова с указанием на нарушения, допущенные при вручении перевода приговора на тувинский язык осужденному С. – перевод им был получен по истечении более чем полутора месяцев со дня провозглашения приговора.

Из вышеизложенных примеров отчетливо видна острота не только процессуальных, но и организационных аспектов участия переводчика в уголовном судопроизводстве. С учетом сложившейся практики представляется оправданным сделать следующее предложение: так как в республиках, входящих в состав Российской Федерации, наиболее востребованным для перевода по уголовным делам является национальный язык данной республики, которым владеет большая часть населения республики, в таких республиках представляется целесообразным создание на базе Судебного департамента структурных подразделений со штатными переводчиками с национального языка. Думается, что содержать в штате переводчиков с иных языков экономически не оправданно, так как востребованность их привлечения к участию по уголовным (или даже гражданским и административным) делам спрогнозировать невозможно.

Довольно часто на практике встречаются ошибки при фиксации тех или иных фактов в протоколах следственных действий, к которым наиболее часто относятся допросы и очные ставки. Это происходит не только по вине недобросовестных следователей, которые готовы любыми путями достигнуть желаемого результата, но и в следствие иных ошибок (описок, опечаток и т. д.). Поэтому право переводчика и иных участников судопроизводства знакомиться с протоколами следственных действий является необходимым правом предоставленным законом.

Показателен в этом отношении приводимый в научной литературе пример об участии переводчика по уголовному делу № 1-88/09 в отношении М.Б. Ходорковского. В материалах уголовного дела переводчик Зуева А.Н. допустила следующую ошибку: «триста шестьдесят восемь миллионов российских рублей («RUR 368.000.000,00») после произведенного ей перевода превратились в триста шестьдесят восемь миллионов долларов США («\$ 368 000 000.00») – т. 149, л.д. 331–334» [6, с. 695]. Очевидно, что подобная ошибка переводчика не просто искажает объективную реальность, но и влияет на объем обвинения.

В этой связи представляется целесообразным поддержать следующее высказанное Е.А. Богачевской и А.В. Киселевым предложение: «рекомендуем следователям применять при производстве следственных и процессуальных действий с участием переводчика аудиоили видеозапись. Это, во-первых, окажет дисциплинирующее воздействие на участников следственного действия и, во-вторых, предоставит следователю возможность при наличии сомнений проверить качество и правильность перевода и, в случае необходимости, использовать фонограммы в доказывании фактов заведомо неправильного перевода» [7, с. 38].

На современном этапе развития научно-технического прогресса более чем актуальным является вопрос о возможности использования в уголовном судопроизводстве электронного (автоматического) перевода.

Как отмечается в научной литературе, «обзор практики деятельности полиции США показывает, что подозреваемых иногда приходится освобождать из-за того, что они не могут понять зачитанные по-английски права арестованного, поскольку владеют только испанским или японским языком. Чтобы преодолеть языковой барьер, для правоохранительных и исправительных органов разрабатываются различные технологии перевода устной речи, которые успешно испытываются полицейскими агентствами на местах и заключаются в следующем: в компьютер с помощью микрофона вводится голосовая информация на определенном языке. Компьютер в свою очередь переводит введенную речь на другой язык и затем «произносит» ее» [8, с. 17].

В 2015 г. в номере 1 (7) журнала «Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения» нами уже рассматривалось одно из устройств мгновенного электронного перевода – голосовой переводчик BRM Electronics STX6 MULTI elite, способный переводить речь с русского на 50 иностранных языков и обратно без

подключения к сети «Интернет», а с подключением к сети «Интернет» – на 100 языков. Однако, учитывая его высокую стоимость (на тот момент – около 30 000 рублей), говорить о его широком применении в судебно-следственной работе было невозможно [9, с. 37].

В настоящее время научно-технический прогресс шагнул еще дальше, и функция электронного перевода стала доступна всем пользователям смартфонов. Например, для пользователей смартфонов на базе операционной системы Android компания Google разработала программу «Переводчик» (актуальная версия 4.4)¹, которая способна осуществлять мгновенный перевод на русский язык с 90 языков мира, в том числе, для 40 языков поддерживается функция автоматического голосового перевода «из речи в речь» без доступа к сети «Интернет» (языковые пакеты устанавливаются в память смартфона). Среди таких языков, кроме большинства европейских, много азиатских и редких языков: албанский, арабский, африкаанс, бенгальский, бирманский, вьетнамский, галисийский, зулу, иврит, игбо, идиш, индонезийский, йоруба, китайский, креольский (Гаити), кхмерский, лаосский, латынь, македонский, малагасийский, малайский, монгольский, персидский, сомали, суахили, суданский, тайский, турецкий, финский, хинди, хмонг, чева, эсперанто, яванский, японский. Для 26 языков доступна функция мгновенного перевода на русский язык текста, сфотографированного на фотокамеру смартфона. Главное достоинство данной программы, что она является абсолютно бесплатной.

Для пользователей смартфонов iPhone компания Apalon разработала приложение под названием «Speakandtranslate» («Говори и переводи»)², способное распознавать и осуществлять перевод на русский язык со 100 языков мира, в том числе, для 42 языков поддерживается функция автоматического голосового перевода «из речи в речь». Однако пока данная программа может осуществлять такой перевод только при условии постоянного доступа к сети «Интернет».

Конечно же, трудно спорить с утверждением о том, что «на сегодняшний день ни один онлайн-переводчик, ни одна специальная программа, обеспечивающая как устный, так и письменный перевод, не способна заменить переводчика, выступающего информационно-коммуникационным посредником различных культур, общественных и правовых систем» [6, с. 694]. Действительно, искусственный разум еще

¹<https://play.google.com/store/apps/details?id=com.google.android.apps.translate&hl=ru>

²http://www.apalon.com/speak_and_translate.html#

не изобретен, но и высококвалифицированных переводчиков, чья профессиональная компетентность не вызывает сомнения, гораздо меньше, чем уголовных дел, по которым требуется помощь данного участника.

Вот почему представляется возможным «из двух зол выбрать меньшее»: электронный (автоматический) перевод может и должен использоваться в тех исключительных ситуациях, когда у следователя, дознавателя нет возможности обеспечить участие «живого» переводчика, свободно владеющего соответствующим языком, в разумный срок (процессуальный аналог ситуации, не терпящей отлагательства). Обязательным условием для использования электронного (автоматического) перевода должно являться применение в ходе соответствующего следственного или иного процессуального действия аудио- или видеозаписи, позволяющей фиксировать как содержание речи на том языке, с которого осуществляется электронный (автоматический) перевод, так и содержание самого перевода.

В любом случае электронный (автоматический) перевод следует рассматривать как минимальную гарантию, обеспечивающую реализацию права пользоваться помощью переводчика. При обоснованном возражении участника уголовного судопроизводства на использование электронного (автоматического) перевода в следственном или ином процессуальном действии, связанном с тем, что такой участник не понимает речь, формируемую электронным (автоматическим) переводчиком, его дальнейшее использование подлежит прекращению и для дальнейшего перевода должен быть приглашен переводчик-человек.

В пользу возможности использования электронного (автоматического) перевода свидетельствует тот факт, что «несмотря на постоянное пристальное внимание международного сообщества к соблюдению прав человека в нашей стране, в отношении России никогда не выносилось решение ЕСПЧ по фактам имеющих место быть нарушений прав субъектов судопроизводства на национально-языковую самобытность и самоидентификацию при осуществлении в отношении их следственного или судебного разбирательства» [1, с. 36]. Хотелось бы надеяться, что использование электронного (автоматического) перевода не только облегчит задачу следователя, дознавателя и суда по реализации принципа языка уголовного судопроизводства, но и не станет причиной для обращения участников уголовного судопроизводства в ЕСПЧ по основанию нарушения права пользоваться помощью переводчика.

Подводя итог всему вышеизложенному, справедливым будет являться общий вывод о том, что представление о компетентности переводчика с позиции процессуальных интересов участников уголовного судопроизводства, не владеющих либо недостаточно владеющих языком уголовного судопроизводства, а также с позиции субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу, может различаться. Публичный интерес при реализации принципа языка уголовного судопроизводства заключается в том, чтобы обеспечить на уровне символической системы представления информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию или имеющих значение по уголовному делу, единообразное ее понимание всеми участниками уголовного судопроизводства. Как представляется, реализация данного интереса государством не в полной мере зависит от компетентности переводчика. Допускаемые переводчиками при участии в уголовном судопроизводстве ошибки часто обусловлены их невнимательностью, усталостью, небрежностью, спешкой и другими человеческими факторами. В этом отношении применение электронного (автоматического) перевода исключает подобные ошибки, осуществляя «буквальный» перевод речи или текста (в чем его достоинство и недостаток одновременно). Перспективы развития электронного (автоматического) перевода в уголовном судопроизводстве всецело зависят исключительно от смысловой и контекстной точности перевода, осуществляемого программой на основе алгоритмов искусственного интеллекта, создание которого прогнозируется в 2016 г.¹ Возможно, в недалеком будущем из уголовного судопроизводства будет исключен такой участник, как переводчик, а его процессуальную функцию начнет выполнять персональный компьютер или смартфон.

Список использованной литературы

1. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.
2. Мищенко А.Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 244–246.
3. Бунова И.И. Некомпетентность переводчика как основание его отвода от участия в уголовном производстве // Общество и право. 2010. № 3. С. 205–208.

¹2016 — год искусственного интеллекта // Режим доступа: <http://freelance.today/trendy/2016-god-iskusstvennogo-intellekta.html>. Дата обращения: 30.03.2016 г.

4. Обидина Л.Б. Участие переводчика в проверке сообщения о преступлении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 152–158.

5. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова. М.: Юрлитинформ, 2015. 384 с.

6. Гуськова А.В. Культура переводчика и техника юридического перевода в рамках уголовного судопроизводства: проверка гипотез и постановка проблем // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 694–697.

7. Богачевская Е.А., Киселев А.В. К вопросу об участии переводчика при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 2 (8). С. 36–40.

8. Копылова О.П., Курсаев А.В. Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007. 76 с.

9. Мазюк Р.В. Перевод на язык уголовного судопроизводства как средство защиты прав и процессуальных интересов его участников // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1 (7). С. 27–40.

Информация об авторах

Мазюк Роман Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: marova@mail.ru.

Куулар Юлия Цеденбаловна — магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: kuularyuliya@mail.ru.

Information about the authors

Maziuk Roman Vasilyevich — PhD of Law, Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department, Law Institute, Baikal National University. 664003 Irkutsk, Lenin str., 11; e-mail: marova@mail.ru.

Kuular Yuliya Tsedenbalovna – magister student of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department, Law Institute, Baikal National University. 664003 Irkutsk, Lenin str., 11; e-mail: kuularyuliya@mail.ru.